

Илья Рейдерман

Место встречи изменить нельзя

Ах, фестиваль, фестиваль... Давно уже он отшумел – Одесский международный литературный... А мысли, рожденные им, разбегаются в разные стороны. Но ведь кажется, точка, в которой все собирается и итожится, была поставлена уже после фестиваля. Отлитая из бронзы. Памятник к Бабелю в Одессе наконец-то установлен. Следовало бы осмыслить, что это значит. Слово бронзовеет, слава звенит, памятник стоит. Что-то закончилось. По-моему, – пришли к концу споры о том, составляли ли писатели-одесситы литературную школу, и что такое одесский миф, к созданию которого они приложили руку. Миф состоялся! Миф вообще сильнее «сермяжной правды». Что такое «одесская литература»? Это слово, освобождающееся из плена старых смыслов и еще не попавшее в плен навязанных новых смыслов, в плен советской идеологии. И поэтому оно сияет, золотится, серебрится, блестит – словно протертое тряпочкой от пыли или промытое ливнем.

...Впрочем, писал я с радостью эти слова – до того, как запоздало прочитал статью Дмитрия Быкова в «Новой газете». Оказывается, торжество одесского мифа не дает кому-то покоя. Очень уж велика инерция демифологизации, «разоблачения предрассудков» – с этого начиналось Новое время, этим оно в эпоху постмодерна и заканчивается. Только ведь если какое-то иное время и должно наступить, то наступит оно лишь при условии признания прав мифа на существование, необходимости мифа! Рациональная истина хороша – в том смысле, что ей можно пользоваться, как пользуются энциклопедией или таблицей умножения. Но жить ею – нельзя! Для жизни человеку – миф нужен! Разумеется,

не миф массовой культуры, не идеологический миф, а миф высокий, культурный, излучающий бытийные смыслы.

Ирина Барметова, редактор журнала «Октябрь» – много сделала для Одессы, для того чтобы одесский литературный миф продолжился во времени и не потерялся в сегодняшнем «гиперпространстве» с его инфляцией слов и смыслов. Вот и этот фестиваль, связанный с именем Бабеля, был бы невыносим без ее усилий. Ей удалось высадить в Одессе целый десант крупных писателей и литературоведов. Открывал фестиваль «круглый стол», посвященный как раз одесскому литературному мифу, – «Город, который построил Исаак». Не будучи его непосредственным участником, в этих своих заметках я хотел бы высказаться именно на эту тему. Тем паче что, как выяснилось, в моем архиве есть и работа о Бабеле, недавно опубликованная «Дерибасовской – Ришельевской», и статьи о феномене Одессы.

Один из участников «круглого стола», литератор из молодых да ранних, в ходе дискуссии с почти с цирковым профессионализмом стал крутить интеллектуальное сальто-мортале: дескать, одесская школа – может, вовсе и не школа, а миф – вовсе и не миф... И вообще это, знаете ли... волна, ну, вот как во французском кино новая волна. Волна – это нечто, что пришло и ушло. Получается, что Одесу прославил случай. Да и писатели все эти появились в ней случайно. Ан нет! Тут не волна, а волны, следующие одна за другой, даже потом, в условиях, которые культурной жизни уже не слишком благоприятствовали. Сначала французы Де Рибас, Ришелье, Деволан. Потом знаменитые негоцианты, а там и Ришельевской лицей, и великие медики. Впрочем, о последовательности этих волн лучше скажут специалисты-краеведы. Меня же интересует дух города. По этим улицам ходил Врубель – ему было у кого учиться. Его первые учителя – иностранцы, фамилии которых малозвестны. Здесь учились братья Бахтины – правда, к тому времени университет уже не блистал, но именно здесь один швейцарец подарил Михаилу Бахтину томик Кьеркегора с дарственной надписью от автора. В каком еще городе России можно было найти такой томик Кьеркегора и, добавлю, такого швейцарца, внимательного к пытливым юношам? Литературная волна, вознесшая Бабеля и Олешу, – лишь одна из волн. А уже

в середине двадцатого столетия, на нашей памяти, – волна живописи, поднявшая поразительно интересных художников.

Одесса – город-миф не потому, что ее мифологизировал Бабель. А потому что это город – перекресток культур, город, в котором духовная жизнь бурлила, и волны то и дело вздымались... Именно в этом смысле это и был европейский город – в смысле открытости всем ветрам, в смысле культурной открытости, готовности к диалогу, взаимовлиянию многих национальных культур. Главное в городе – это дух, – легкий на подъем, творческий, импровизационный, открытый и доброжелательный, ироничный, но беззлобный. А дух не подделать. «Здесь все Европой дышит, веет...» Вот первый эскиз одесского мифа, и Пушкин – первый создатель его. Вот наш «патент на бессмертие». И если спрашивать, что же именно объединяло писателей-одесситов, то можно ответить с абсолютной точностью: все они – европейцы! Я бы даже сказал – французы, выученики французских поэтов и новеллистов. Все они в Европу глядят, всем им важен блеск стиля, культура формы.

Одесса – это место, где встречаются Европа и Азия (а также Израиль, США и даже Австралия). Именно Одесса, а не Урал, как можно подумать, глядя на географическую карту. Вовсе не случайно именно сюда Ирина Барметова и привезла свою «команду», свой десант. Место встречи изменить нельзя!

* * *

«Есть ли сегодня одесская литература?» Таков был вопрос, вставший в воздухе, – и на него пытался ответить фестиваль. В отличие от предыдущего фестиваля, Гоголевского, одесситам (и таким мастодонтам, как приехавший из Германии Ефим Ярошевский, и молодым) дали возможность поучаствовать, почитать стихи. Только вот интересовало ли кого-нибудь всерьез их творчество? Дмитрия Быкова, особенно активно отрицающего значимость творчества сегодняшних одесских литераторов, – я в числе слушателей не заметил.

...«Серapiоновы братья» в начале 20-х годов в уже переименованном Ленинграде, встречаясь, произносили: «Писать, брат,

трудно!». Это своего рода «пароль» тех, кто действительно пишет, а не сочиняет, для кого писательство – экзистенциальное занятие. Но ведь что писать трудно – полбеда, а беда – когда брезгливо глядят сквозь тебя, как будто даже и брэнного тела твоего на этой земле нет. Когда печатают «списки» тех, кого почитают писателями, – и ты своего имени в них регулярно не находишь. И нет этому конца. Вот и пиши, зная: то, что напишешь, уже заранее встречается «словом отрицанья». Я бы мог назвать много достойных, с моей точки зрения, имен, – но ведь это будет заведомо мой список, субъективный! А у редактора «Дерибасовской – Ришельевской» Феликса Кохрихта (кстати, любопытная деталь: его прадед, купец первой гильдии, жертвовал деньги на памятник Пушкину, а он сам сделал взнос на памятник Бабелю!) – будет свой список. А у редактора «Октября» Ирины Барметовой – тоже список свой. И это естественно. Не можем мы быть абсолютно объективными и избавиться от собственных вкусовых пристрастий. Вот почему и списка своих любимых поэтов не перечисляю – в нем наверняка «кого-то не будет». Зачем же огорчать человека, который, может быть, мнит себя первым и лучшим? Но в то же время – не могу не задуматься о специфике сегодняшней ситуации, характерной не только для литературы, а для всех сфер жизни. Нет больше единого пространства – литературного, культурного, духовного, и даже государственного, на котором владела умами русская литература. А есть группки, кучки, поразительная пестрота и эклектика, соединение несоединимого с помощью групповых интересов. Что же такое «одесская литература» – галактика, все звезды которой разбегаются, удаляются в разные стороны? Бывших одесситов не бывает, уехавшие из Одессы писатели весьма успешно работают во многих странах. Но, к примеру, в посвященном одесской литературе памятном номере журнала «Октябрь» многих из них посчитали чужими. Да и по сей день не замечают, о чем говорилось в посвященном все тому же фестивалю интервью Беллы Верниковой (Израиль) для программы Вадима Ярмолинца на русском радио в Нью-Йорке, перепечатанном в местных интернет-изданиях. Впрочем, как говорится в том же интервью, точно так же не замечают и иных заслуживающих внимания авторов, продолжаю-

щих жить и писать, никуда не уезжая из родного города. Вот и еще один «список»!

...Вместо моря или хотя бы реки – отдельные ручейки и даже полупересохшие лужи. Мы боготворим короткий период расцвета одесской литературы. Люди были молоды. Спорили. Ссорились и мирились. «Сегодня будут бить поэта Шенгели». Понятно, что это была мистификация. Но ведь нельзя же жить, все время лукавя, чтобы поддерживать добрые отношения. Нужно и правду говорить. Порой даже жесткую. Спорить всерьез. Литературные события нужны, а не просто «презентации». Собирающие не одних только господ писателей. А спорить то нужно о том, зачем пишем. Слово в рифму, слово, летящее в вихрях созвучий, – опасно. Закружит, станет ворожкой, игрой. Оно норовит оторваться от земли и – утонуть в небесах. Как сделать так, чтобы жизнь превратилась в поэзию, а поэзия не перестала быть жизнью? Вот идеал – труднодостижимый.

«Жизнь перемальвается в стихи», – написал я когда-то. А жизнь ли перемальвается? Или литература размножается почкованием, порождая из себя же вторичную и третичную литературу? Читаешь и видишь: слишком литература, слишком умно, с демонстрацией эрудиции, с множеством ученых словечек, названий, имен. Герметичная, замкнутая в себе литература. Или «слишком жизнь» – как бы голая.

Великие писатели-одесситы, конечно, были литераторы, очень литераторы, и потому нуждались во встрече с «сырым материалом жизни», как Бабель. Вот Кирсанов – виртуоз, но материал жизни не всегда умел зачерпнуть. Бабель же за всех расплатился, за всю одесскую литературность, сполна нагрузил слово. Одессит, даже когда прозаик – поэт! Как Бабель, Олеша, даже Ильф... Поэт – и порою еще и иронист. Ирония бросается в глаза. Но и восторг, душевный восторг, как бы не до конца преодоленный юношеский романтизм! Нынче восторга стыдятся. И какой же русский не любит быстрой езды? И какой же одессит способен без восторга в глазах смотреть на мир, на море, на город? Это непросто, это иногда больно – быть поэтом, лириком. Но современные поэты кое-что придумали – они... перестали быть лириками!

Не стану називати імен – і так поймет той, хто умен. Літературна мельниця мелет, но то, що випаєється з цієї муки, часто непитатально. «І ви будете голодати у накриваних столов» – написав древнеармянський поет. Он имел в виду голод духа. Сенека, будучи очень богатым человеком, обычно посылал на базар за покупками рабов. Но однажды он решил пройтись по базару и, вдоволь на все насмотревшись, воскликнул: «Как много здесь всего, что мне не нужно!». Увы, такое же ощущение возникает, когда включаешь телевизор. И даже... когда порой открываешь страницы толстого журнала. Последнее особенно досадно. Потому что во время оно журнал передавался из рук в руки и говорили о чем-то: обязательно прочти! Нужно было и прочесть обязательно (иной раз – ночью), и обязательно высказаться в кругу интеллигентных друзей. Литература была хлебом, духовной пищей, она продолжала быть властителем дум. Сейчас она выступает в, так сказать, другой функции. Досуговозвлекательной. Замечательный прозаик В. Пьецух в своем выступлении на фестивале откровенно сказал, что такой профессии, как русский писатель, сегодня нет, писатель на жизнь заработать не может, а если он хочет как-то выживать и даже печататься, он должен рассказывать интересные истории. По возможности не слишком длинные! Ах, какую историю рассказывал Асар Эппель! Упомогательную по своей комичности и абсурдности. Я его

помню как потрясающего переводчика польской поэзии – в юности встретил его в квартире Андрея Сергеева, моего литературного друга-учителя, и был свидетелем долгого лингвистического спора, впечатление от которого пронес через всю жизнь. Передо мной были люди образованные. И вот Эппель, который знает много всего, чего мы с вами не знаем, и может быть, даже и не узнаем... перелицовывает анекдот. И я невольно спрашиваю: зачем? Выражусь сдержаннее: ну, может быть, кому-то он и нужен, но мне-то (сегодня, сейчас!) хочется чего-то более содержательного! Из чего вовсе не следует, что я свысока отношусь к анекдотам. Присутствовавший здесь же Валерий Попов, замечательный питерский прозаик, помню, в те годы опубликовал замечательный рассказ. Человек утром вместо зубной пасты, взял тюбик с мгновенно склеивающим клеем. Кажется, ему позарез нужно было где-то высказаться, но рот заклеен! Хотелось и хохотать, и плакать. Потому что тогда это было обо всех нас!

Литература – это «такая игра»? Не хуже других? Дмитрий Быков и начинал с игры в «куртуазных маньеристов». «Вот – вознесут на миг. О, сколько криков! Да ты у нас писатель, ты поэт! Еще стишок напишет Дима Быков. Стишок неплох. Ну, а поэта – нет». Поэта – нет. В том, прежнем смысле этого слова. Того, у которого за словом «дышат почва и судьба». А прозаики – историю расскажут. Но ведь кроме рассказываемой истории есть История – с большой буквы. Или она уже «умерла»? История ничему не учит? Читая сегодняшнюю литературу, не прогуливаем ли мы уроков истории? Предположим, что История сегодня – это очень древняя старушка, которая почти при смерти. И вот она что-то бормочет, может быть, пытаясь напоследок нам что-то самое важное сказать. Но мы на ее бормотание не обращаем внимания: собрались в соседней комнате за накрытым столом и травим «истории». И весело хохочем. Тем паче, что все равно она нашего хохота не слышит.

* * *

Читатель уже заметил, как много внимания здесь уделяется господину Быкову. Возможно, он сочувственно поймет меня, прочитав последнюю часть этих заметок.

«Я очень рада, что в городе, который отец так ярко и красочно описал, установили ему памятник, кстати, первый в мире. Есть мемориальные доски, но не памятник», – говорила Лидия Бабель. И так, памятник все же установлен, и притом не просто так, а по инициативе Всемирного клуба одесситов, руководители которого делом доказали, что они отнюдь не липовые патриоты своего города. Казалось бы, точка поставлена. Но в воздухе витает какое-то глухое раздражение. Какое-то желание принизить значение этого факта. Ну что вы, одесситы, все еще носитесь со своим Бабелем? Ну, было, ну прошло, а вот что вы, одесские поэты и прозаики, нынче собой представляете?

В статье москвича Дмитрия Быкова в «Новой газете» прочитал: «Сейчас Одесса пребывает... в явном духовном упадке... здесь очень мало своих поэтов, а те, что есть, — несопоставимы с титанами двадцатых и даже с лучшими из киевлян. С прозой все тоже как-то не очень...». Это его отклик на литературный фестиваль.

В числе мероприятий фестиваля был и круглый стол, посвященный одесскому мифу. Но г. Быков решил, видимо, что он на эту тему высказался не до конца. И вот высказывается. «Нужно, чтобы кто-нибудь громко сказал о пошлости одесского культурного мифа, который в свое время был очарователен, но время это прошло». Нужно совершить «акт освобождения – и отринуть изношенные мифы ради нового величия. Иначе Одесса таки будет ходить по кругу тудой-сюдой и говорить за Беню, чтоб он так был здоров, хотя шо может быть хорошего, я вас умоляю, в бандите, который давно умер-шмумер? Дело надо сделать, одесситы, и потом можно слюни пускать».

Подделка под одесский язык в данном случае мне не кажется слишком удачной. Но Бабель, его личность, его загадка давно не дают покоя Быкову. Бабель – герой романа Быкова «Оправдание»: писателя, согласно достаточно фантастическому сюжету, не расстреляли, а сослали в особые лагеря, где воспитывались некие «сверхлюди», и вот после смерти Сталина он появляется из небытия... Не стану этого комментировать, тем паче что не читал романа, – некогда мне читать современные «бестселлеры». Но психологическую тайну едва ли не мучительного интереса Быкова к Бабелю объяснить попытаюсь. Когда писатель – твой ге-

рой, невольно соизмеряешь себя с ним. И... испытываешь некий дискомфорт. Не в несоизмеримости талантов дело. Дмитрий Быков, вообще-то, способный человек. Но он... беллетрист. А Бабель – писатель. Он трагической судьбой оплатил не только все слова в своих произведениях, но даже точки и запяты. А ведь и до того, как пришла пора расплаты, – знал, с чем играет! Экзистенциальный вес Слова! Этим всегда славилась русская литература. А беллетрист просто пишет, деньги зарабатывает, за успехом гонится. Помните, у Чехова? «И так до гробовой доски все будет только мило и талантливо, мило и талантливо, больше ничего, а когда умру, знакомые, проходя мимо могилы, будут говорить: «Здесь лежит Тригорин. Хороший был писатель, но он писал хуже Тургенева». Как далеко вперед глядел Антон Павлович! Это ведь сегодня повальное бедствие. Калифы на час – написанное ими и через лет десять читать уже никто не будет.

Дмитрий Быков, видя в Бабеле создателя одесского мифа, хочет этот миф выбросить за борт. «Одессе, если она хочет остаться культурной столицей евразийского Юга, нужен новый миф, – и необязательно ждать нового первоклассного прозаика, чтобы его создать». Звучит вроде бы неплохо. Только вот настораживает некая тенденция – общая для нашей эпохи постмодерна: непременно нужно все предшествующие мифы разрушить, «разоблачить», демонтировать, деконструировать. А потом придумайте что хотите. Но на каком месте? На пустом?

За внешней эффектностью тезисов кроется поверхностность суждений. Она в природе яркого и многообразного дарования Дмитрия Быкова – он блестящий «фельетонист» нашей «фельетонной эпохи» (в том широком смысле, в каком говорил о фельетонизме Г. Гессе). С концепцией Быкова, что Одесса рифмуется с Петербургом, что это женственная ипостась северной столицы – не стану спорить. Но ведь это лежит на поверхности: Северная Пальмира – Южная Пальмира. А вот ассоциировать Одессу с бабелевскими бандитами не стоит. Нужно различать миф Одессы, как он живет в массовой культуре (именно он у всех на устах, и в силу самой природы массового сознания не может не быть пошлым и убогим), и миф как «дух города». Именно последний и улавливается чутким сознанием человека культуры, именно он

и артикулируется ее творцами-одесситами. Но не сочиняется ими, ибо миф должен возникнуть сам. Отношения писателей с мифом – примерно такие же, как это сформулировал Михаил Глинка: музыку создает народ, а мы ее только аранжируем. В силу счастливого стечения обстоятельств Одесса возникла как город-миф, и этот миф – и в изгибах одесских улиц вкупе с еще чудом сохранившейся архитектурой, и в южнорусской школе живописи, и в особом характере и языке коренных одесситов, и, простите, даже в неуклюжей грации и аляповатой красочности бабелевских бандитов. Но последние, как видим, всего лишь частный случай, отдельное выражение одесского мифа.

А что же это за миф? Миф свободы. Утопия «вольного города». Возникший в силу переменчивых исторических обстоятельств сокровенный замысел европейского города, открытого города, города, в котором осуществляется роскошь человеческого общения. Да к тому же общения разных народов, разных культур. Место, где возможны пиршества духа, какие бывали в счастливые времена, скажем, в эпоху Возрождения. Утопия, разумеется, не осуществилась сполна, как и всякая утопия, но она отбрасывает идеальный свет былых (а может, и будущих) обещаний. Город – перекресток культур, город «разномыслия» и диалога. Одесса как нечто самоорганизующееся, как пространство свободы и жизни. Где в империи можно жить? Там, куда еще не дотянулись костлявые щупальца власти. Как только свобода кончилась, – кончился и феномен Одессы. Но длится традиция. Герои одесской литературы – свободны. Пусть это бандиты, пусть это жулик Бендер, конармейцы и даже маргинал-интеллигент Олеси.

...Дмитрий Быков говорит, что нынешние одесситы несопоставимы с «титанами двадцатых годов». А сам он – сопоставим? И что за дурацкое слово – «титаны» (в мое время так называли баки с кипятком). Дело не в масштабе таланта, но в других временах. Подлых временах, антипоэтических, когда все представления о подлинных поэтических ценностях сместились. Вот, кстати, исполнилось 80 лет поэту Игорю Павлову. Настоящий поэт, который ведет себя совершенно безалаберно, как и положено поэту, наплевательски относясь и к славе, и к изданию книг (я-то уже

не в счет – «пиариться» начал, потому что вынудили, «достали»!). Очень боюсь, что мы можем не увидеть более или менее полного собрания стихотворений Павлова, – да и денег у него на это нет. Ни гроша! Потому что он – страшно сказать... даже пенсию не получает. Вот бы господину Быкову (у которого огромный авторитет, влияние и возможности) и помочь, да заодно и послужить одесской литературе. Ведь глядишь – через пару десятков лет нынешние ее хулители вынуждены будут признать свою позорную близорукость.

Новый миф действительно нужен. Но он не может быть без нового понимания и преобразования мифа старого. Верно, что нельзя жить прошлым, застраивая всю страну памятниками, нужно иметь и будущее. Но для этого нужно, по крайней мере, не затаптывать ростки того что есть в одесской литературе, проявляя московский снобизм и одновременно упрекая обиженных одеситов в провинциализме. Кстати, здесь совсем недавно вышел толстый (!) литературный журнал «Южное сияние». Получивший финансовую поддержку городских властей. О содержании журнала, вероятно, можно спорить... Но сам факт – выразительный.

